

© 2024 г.

Н.Е. ТИХОНОВА, И.В. ДУДИН

## ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

---

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник; профессор-исследователь Института социологии ФНИСЦ РАН (netichon@rambler.ru); ДУДИН Илья Васильевич – младший научный сотрудник, аспирант (dudiniv99@mail.ru). Оба – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

---

**Аннотация.** Групповые идентичности могут выступать основой как для консолидации общества, так и для его фрагментирования. В числе оснований деления на «Мы» и «Они» – поколенческая, национальная, мировоззренческая и иные идентичности, встречающиеся, по данным ИС ФНИСЦ РАН, достаточно часто. В то же время способствующая консолидации российского общества идентичность с гражданами России четко выражена сейчас менее чем у 30% представителей массовых слоев. Для членов этой группы характерна приверженность приоритетности интересов государства, поддержка СВО на Украине, установка на необходимость жертвовать личным благополучием ради высоких целей и т.д. Идентификационный блок мировоззрения россиян включает в себя несколько типов идентичностей, в их числе: самоидентификации по объективным характеристикам (возраст, место жительства и т.д.); идентичности, связанные с особенностями восприятия себя через призму достижения жизненного успеха; идентичности, отражающие мировоззренческую близость; идентичности с определенными первичными группами и идентичности с группами, различающимися их отношением к СВО. Все они имеют разную распространенность и особенности локализации. Система идентичностей россиян на протяжении последней четверти века характеризуется высокой устойчивостью, хотя в ней произошли за это время и изменения, в том числе общее сокращение распространенности символических идентичностей за счет уменьшения популярности идентичностей с людьми с тем же материальным положением, такого же рода занятий и той же национальности на фоне роста доли ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села. Динамика системы идентичностей россиян свидетельствует, что на распространенность отрицания своей идентичности с определенными социальными группами в большей степени влияет эмоциональное состояние человека, а не четко выраженную самоидентификацию с ними – его мировоззренческие установки.

**Ключевые слова:** групповые идентичности • символические идентичности • «мы» и «они» • общественное сознание • мировоззрение россиян • консолидация общества • межгрупповые противоречия • мировоззренческая сегментация

Понимание такого феномена, как идентичность, является одним из самых важных, но при этом и самых неоднозначных в социологической науке. Если дать ему самое простое определение, то под идентичностью подразумевается обычно саморефлексия индивидом того, кем он является, принятие им для себя определенных социальных ролей в социуме. Это самовосприятие включает как ощущение своей принадлежности к тем или иным социальным группам, различающимся их моделями поведения, ценностными ориентирами и т.п. (так называемые групповые или социальные «Мы-идентичности»), так и представления о себе с учетом сравнительной значимости для самого человека его социальных ролей и отдельных особенностей – «Я-идентичности». Уже из этого понятно, что проблематика идентичностей находится на стыке социологической и психологической наук, при этом социологами относительно чаще изучаются «Мы-идентичности», а социальными психологами – «Я-идентичности».

Одной из важнейших характеристик идентичностей является их относительная устойчивость, нарушение которой ведет к фрустрации. Особенно актуален вопрос об устойчивости идентичностей представителей массовых слоев населения<sup>1</sup> для российского общества, столкнувшегося за последние 40 лет со множеством знаковых событий (перестройкой, распадом СССР, последовавшей за этим неоднократной сменой модели общественного развития, рядом серьезных экономических кризисов, пандемией коронавируса и, наконец, специальной военной операцией на Украине (далее – СВО) с последовавшей за ней беспрецедентной конфронтацией России со странами Запада), вызвавших очень существенные изменения в сознании россиян. Сказались они и на их идентичностях. Однако если в период радикальной трансформации общества в 1990-е гг. изменение последних привлекало значительное внимание ученых (в частности, к этому периоду относится знаменитая серия исследований под рук. В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой [Социальная..., 1993; Социальная..., 1994а, 1994b; Ядов, 1994; Климова, 1995; Данилова и др., 2004 и т.д.]), то впоследствии эмпирические исследования, проводившиеся в данной области, фокусировались обычно либо на идентичностях одной какой-то группы – различных слоев общества [Данилова, Оберемко, 2007; Тихонова, 2020], студенчества [Российское..., 2014; Магранов, Деточенко, 2018] и т.п., либо на соотношении гражданской и этнической идентичностей [Гражданские..., 2008]. Единственным значимым исключением выступают международные сравнительные исследования идентичностей россиян [Россияне..., 2006; Россияне..., 2012], но и они в последнее десятилетие, насколько нам известно, не проводились. Таким образом, хотя использование понятия «идентичность» в связи с актуализацией проблематики особенностей национального сознания россиян стало весьма популярным, комплексные исследования динамики групповых идентичностей россиян давно не проводятся.

В этих условиях целью нашего анализа стала оценка изменений в ключевых групповых идентичностях россиян за последнюю четверть века и прежде всего – в ходе нарастающей конфронтации отношений России с Западом, начавшейся с «Крымской весны» 2014 г. Исходя из этого, в исследовании были поставлены задачи: 1) оценить ситуацию с групповыми самоидентификациями («Мы-идентичности») представителей массовых слоев населения в настоящее время; 2) определить динамику четко выраженных идентичностей представителей этих слоев с конца 1990-х гг. по 2024 г.; 3) оценить изменения в их негативных идентичностях (т.е. наборе групп, свою общность с которыми респонденты ни в какой степени не ощущают<sup>2</sup>). Объектом исследования стало общественное сознание

<sup>1</sup> Под массовыми слоями населения мы имеем в виду слои населения, которые попадают в выборки общероссийских опросов, поскольку элитные и субэлитные слои в ходе них интервьюерам недоступны.

<sup>2</sup> Отметим, что полное отсутствие определенных идентичностей не всегда означает отрицательное отношение конкретного человека к соответствующим группам. Соответственно, использование термина «негативные» (или его аналога – «отрицательные») идентичности не означает их принижения или осуждения, являясь результатом следования устоявшейся десятилетиями традиции. В российской социологической науке наиболее известны в этой связи работы В.А. Ядова и членов его научного коллектива [Ядов, 1994, 1995; Данилова и др., 2004 и т.д.].

россиян, а его предметом – особенности их идентичностей и динамика последних. Ограничения исследования были связаны с заведомой неполнотой набора идентичностей, которые присутствовали в инструментариях опросов.

### **Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования.**

Определение своего места в системе социальных отношений, встраивание себя в них является одной из основ восприятия человеком себя как личности и обусловлено потребностями в самоутверждении и самосохранении. Основным механизмом социальной самоидентификации (в т.ч. формирования определенных групповых идентичностей) является при этом соотнесение человеком своих интересов, ценностей и моделей поведения с интересами общностей, которые могут восприниматься как «свои», «чужие» или проблемные. Последняя ситуация особенно характерна для периодов общественных трансформаций, типичных для современной России [Тихонова, 1999]. Соответственно, в своем исследовании мы учитывали как четко выраженное ощущение близости с теми или иными социальными группами (или полное отрицание такой близости), так и состояние, о котором респонденты говорили, что они ощущают близость с соответствующей группой «в некоторой степени».

Еще один фундаментальный методологический вопрос исследования идентичностей – их классификация. Это не только упоминавшееся выше деление идентичностей на позитивные (положительные) и негативные (отрицательные). Не менее важно деление на самоидентификации с первичными или вторичными группами. Первые отражают ощущение своей общности с непосредственным окружением (семьей, друзьями и т.п.). Вторые основаны на ассоциировании себя с символическими сообществами (политическими единомышленниками, людьми того же поколения, той же национальности и т.д.) [Ядов, 1994, 1995]. В литературе предлагались и другие классификации идентичностей, например, деление их на инвариантные, возрастные, корпоративные, аутсайдерские, компенсаторные и модернистские [Тихонова, 1999]. Мы в своем анализе использовали в основном деление на самоидентификации с первичными и вторичными группами. При этом, сосредоточившись на символических идентичностях, отражающих самоидентификацию со вторичными группами, мы подразделяли эти идентичности на четко выраженные, скорее присутствующие и отсутствующие (негативные). Такой подход был избран нами, так как исследование реализовывалось в рамках социологического, а не социально-психологического подхода. Кроме того, для консолидации общества важна специфика вторичных, а не первичных идентичностей.

В целом с точки зрения методологии нашего анализа (а отчасти и его методики) в основе лежали результаты исследований В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой и других членов этого научного коллектива, для данной проблематики исследований классических. По результатам этих исследований была не только обрисована картина характерных для россиян в условиях кризисной трансформации 1990-х и начала 2000-х гг. идентичностей, но и охарактеризована их специфика у представителей разных социальных групп, а также показано, что контекстуально-лабильная социальная идентичность является нормой современных динамичных обществ [Данилова, Ядов, 2004]. В нестабильных условиях общность с символическими группами отходит на второй план [там же], однако при первых же признаках стабилизации обстановки групповые идентичности усиливаются [Данилова, 2000]. В этом смысле динамику идентичностей с группами непосредственного общения и символическими группами можно рассматривать как своего рода маркер глубины переживания людьми нетривиальной ситуации в социуме.

Опора на разработанную В.А. Ядовым и Е.Н. Даниловой методологию позволяет нам не останавливаться подробнее на теоретико-методологических основаниях нашей работы. Отметим лишь, что все идентичности, которые нами рассматривались (в том числе те, которые, на первый взгляд, имеют социально-психологический характер – например, идентичность с теми, кто добился успеха), оценивались нами именно как социальные/групповые идентичности, свидетельствующие о субъективном отнесении себя

человеком к определенной группе, занимающей то или иное место в социальной структуре общества.

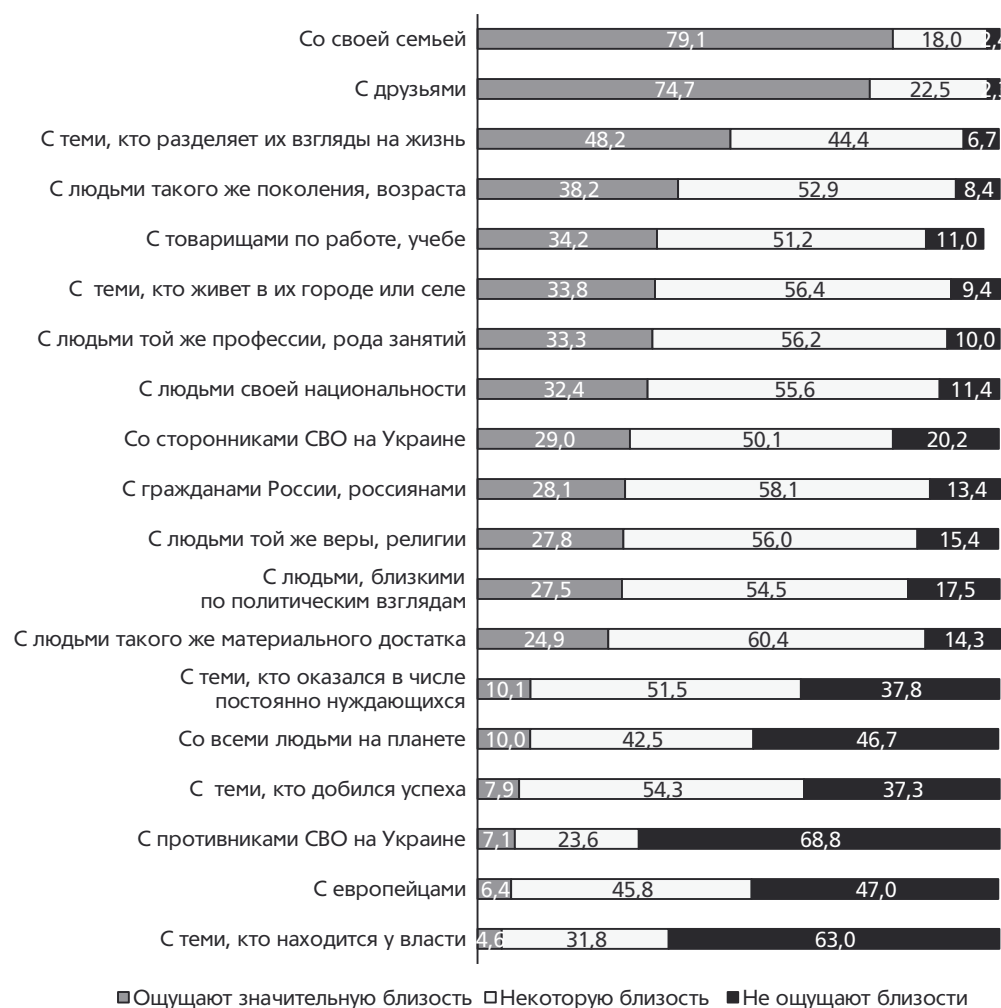
Основной эмпирической базой исследования стали данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого Мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской квотной выборке (составлявшей в разных волнах от 2000 до 4000 респондентов), репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по социально-профессиональной принадлежности, полу и возрасту. Для оценки идентичностей респондентов использовались их ответы на вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то насколько вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: “Это – Мы”?» Ответы на него включали в разных волнах Мониторинга от 9 до 19 групп, при оценке своей близости с каждой из которых респонденты могли выбрать варианты «в значительной степени», «в некоторой степени» и «не ощущаю близости».

Для оценки динамики идентичностей россиян за более длительный период были использованы также данные исследования «Граждане новой России: какие они? К чему стремятся? В каком обществе хотели бы жить?», проведенного в июне 1998 г. той же рабочей группой под рук. М.К. Горшкова. Выборка этого исследования строилась по тем же принципам, что и выборка Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, только вместо отсутствовавших тогда Федеральных округов в ней было использовано районирование Росстата по территориально-экономическим районам, а возрастной порог задавался не только «снизу» (18 лет), но и «сверху» (65 лет), в то время как в Мониторинге верхняя граница возраста не устанавливалась.

**Особенности идентичностей россиян весной 2024 г.** При характеристике общей ситуации с идентичностями россиян прежде всего нужно отметить, что 91,4% их четко ощущали себя в апреле 2024 г. частью хотя бы одной из представленных на рис. 1 групп. При этом 52,9% ощущали выраженную близость с 5 и более группами из представленного на нем списка, что говорит о достаточно разветвленной системе идентичностей россиян. В то же время 8,6% опрошенных не ощущали выраженной идентичности ни с одной из представленных на рис. 1 групп, т.е. были фактически исключены из структуры социума в их собственном самопозиционировании. Еще 4,4% имели только одну какую-то идентичность – чаще всего это были идентичность со своей семьей или с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь.

Шире всего распространены сейчас среди представителей массовых слоев населения страны первичные идентичности, т.е. самоидентификации с членами семьи или друзьями. Хотя бы одна из них в выраженной степени присутствует у подавляющего большинства (84,4%) россиян. Однако символические идентичности также распространены достаточно широко – 79,0% россиян характеризуются наличием минимум одной четко выраженной символической идентичности, а 58,1% имеют 3 и более таких идентичностей. Чаще всего можно встретить идентичность с людьми тех же взглядов на жизнь, остальные идентичности встречаются реже (рис. 1). При этом россияне могут иметь первичные идентичности, но не иметь символических (14,9% имевших хотя бы одну первичную идентичность вообще не имели символических идентичностей) и наоборот (10,1% имевших хотя бы одну символическую идентичность вообще не имели весной 2024 г. первичных идентичностей).

Самым значимым фактором, повышающим вероятность оказаться в числе лишенных чувства причастности к каким-либо общностям, выступает для россиян место жительства. Однако этот фактор по-разному «работает» применительно к идентичностям



**Рис. 1.** Распространенность различных идентичностей среди россиян, 2024 г., в %

*Примечание.* Затруднившиеся с ответом здесь и далее на рисунках и в таблицах не представлены, поэтому сумма ответов может быть менее 100%.

с первичными и символическими группами. Первые чаще всего отсутствуют у жителей Москвы и Санкт-Петербурга, среди которых их не имеют около 30% (вдвое больше, чем по россиянам в целом). Это говорит об атомизации жизни в столице на уровне непосредственного общения. Символические же идентичности относительно чаще отсутствуют у жителей сравнительно небольших городов – свыше четверти проживающих в городах с численностью населения менее 100 тыс. человек не имеет ни одной такой идентичности. В число факторов, значимо влияющих на вероятность оказаться вне «сетки» групповых идентичностей, входят также некоторые фрустрирующие обстоятельства жизни (прежде всего безработица и наличие в семье инвалидов).

Особого внимания заслуживает и тот факт, что часть характерных для россиян идентичностей – это идентичности, которые воспринимаются многими из них как основания для острых межгрупповых противоречий, т.е. ведут не только к сегментации,

но и к деконсолидации российского общества<sup>3</sup>. В первую очередь в этой связи стоит упомянуть деление на сторонников и противников СВО на Украине (противоречие между ними называется населением страны в числе трех наиболее острых в современном российском обществе чаще всего – в 32,0% случаев). Впрочем, примерно для двух третей представителей массовых слоев населения их позиция по вопросу взаимоотношений России и Украины не является настолько значимой, чтобы она стала основанием формирования у них соответствующей групповой принадлежности.

Другие способы осложнять консолидацию российского общества идентичности (этническая, поселенческая и т.п.<sup>4</sup>) также распространены. Выраженная идентичность с представителями определенного поколения характерна для 38,3% россиян, а вообще не важна для 8,4%. Чаще всего о ней говорят представители самой младшей и самой старшей возрастных групп (46,3% молодежи до 25 лет и 48,5% россиян старше 65 лет). Конечно, далеко не всегда поколенческая идентичность ведет к тому, что называют «войнами поколений» («age wars») [Кастельс, 2000: 412–413], но при определенных условиях она может способствовать возникновению межпоколенческой напряженности.

В число потенциально способных при определенных условиях осложнять консолидацию российского общества идентичностей входит и этнонациональная. Она характерна практически для трети россиян и лишь для 11,4% вообще не актуальна. Для понимания дезинтегрирующего потенциала этой идентичности важно учитывать, что 12,1% представителей массовых слоев включают противоречие между людьми разных национальностей в число трех наиболее острых в современном российском обществе и что самопозиционирование в обществе через национальность почти в равной степени распространено во всех социальных группах.

Относительно широко распространены среди россиян и другие идентичности, создающие риски для единства общества. В их числе идентичности, связанные с приверженностью противоположным политическим взглядам.

В то же время есть идентичности, которые способствуют консолидации российского общества. Это в первую очередь идентичность с гражданами России, россиянами. Четко выражена она сейчас менее чем у 30% представителей массовых слоев (28,1%, а 13,4% ее вообще не ощущают). Корреляционный анализ в программе Chaid<sup>5</sup> показал, что четко выраженная самоидентификация с другими гражданами страны сильнее всего связана с общим числом групп, в которые человек себя включает: 78,8% имеющих выраженную идентичность с гражданами России называли не менее 7 таких групп при 5,5 в среднем по массиву.

Сильно связана гражданская идентичность с представителями своей национальности: 83,1% имеющих четко выраженную идентичность с гражданами России характеризуются также четко выраженной этнонациональной идентичностью, а коэффициент Спирмена для связи между ними составляет 0,702. Верно и обратное – среди вообще не ощущающих близости с другими гражданами России две трети совсем не ощущают близости с людьми своей национальности. Таким образом, риски выраженной этнонациональной

---

<sup>3</sup> В этой связи стоит вспомнить концепцию объединяющего (bridging, inclusive) и разделяющего (bonding, exclusive) социального капитала общества. Первый его вид отражает особенности межгруппового взаимодействия в социуме, а второй – внутригрупповых взаимосвязей. Считается, что слабые межгрупповые связи при сильных внутригрупповых приводят к фрагментированию и деконсолидации общества [Putnam, 1995].

<sup>4</sup> Как считают сами россияне, противоречия между лицами разных национальностей, как и разных поколений, входят в число значимых межгрупповых противоречий российского общества – их включали в тройку наиболее острых из них при выборе из 16 позиций весной 2024 г. 12,1% и 10,1% соответственно.

<sup>5</sup> Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных и основана на показателях хи-квадрата. Обычно применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь зависимой переменной с несколькими сотнями переменных массива данных.



идентичности для консолидации российского общества в значительной степени нивелируются эмоциональной значимостью принадлежности к другой объединяющей представителей разных национальностей общности – россиянам, и, как уже отмечалось Л.М. Дробижевой, российская и этническая идентичности вполне совместимы при условии их негиперболизации [Дробижева, 2020]. Однако применительно к мигрантам из-за рубежа этот эффект проследиваться не будет.

В число идентичностей, тесно связанных с самоидентификацией с россиянами, входят идентичности с жителями своего города или села (коэффициент Спирмена 0,474), людьми той же веры, религии (0,447), того же материального достатка (0,434), той же профессии или рода занятий (0,417). Таким образом, гражданская идентичность характерна прежде всего для людей с повышенной значимостью для них разного рода символических идентичностей и активным «вписыванием» себя в социум. Тесная связь между собой как этих, так и других идентичностей на фоне в разы более слабой связи с другими особенностями опрошенных подтверждает, что сейчас, как и четверть века назад, «идентификационный блок является сам на себя замкнутым, относительно автономен от положения индивида в обществе и связан с его базовыми ценностными ориентациями» [Тихонова, 1999: 12].

В методическом плане это означает целесообразность использования при его изучении факторного анализа. Не останавливаясь подробно в силу ограниченности объема статьи на этом сюжете, отметим, что 19 четко выраженных идентичностей, присутствовавших в инструментарии опроса 2024 г., разбились на 5 факторов<sup>6</sup>: 1) фактор, отражающий самоидентификации по объективным характеристикам (с людьми своей национальности, жителями того же города или поселка, того же поколения, приверженцами той же религии, гражданами России, людьми такого же материального достатка и той же профессии или рода занятий с показателями факторного веса соответственно 0,780; 0,741; 0,710; 0,703; 0,685; 0,558 и 0,467); 2) фактор, отражающий восприятие себя индивидом через призму достижения успеха в жизни (идентичности с теми, кто находится у власти или добился успеха; в этот же фактор вошли идентичности со всеми людьми на планете и с европейцами с показателями соответственно 0,750; 0,677; 0,561 и 0,516); 3) фактор, отражающий мировоззренческую близость (с людьми, близкими по политическим взглядам, по взглядам на жизнь, с товарищами по работе или учебе с показателями соответственно 0,773; 0,658 и 0,617); 4) фактор, отражающий близость в рамках определенных первичных групп (с друзьями или семьей с показателями соответственно 0,874 и 0,867); 5) фактор, отражающий принадлежность к группам, различающимся их полярным отношением к СВО (0,669 для самоидентификации с противниками СВО и –0,571 – с ее сторонниками).

В этих результатах наиболее интересна группировка идентичностей, позволяющая лучше интерпретировать смысл некоторых из них (например, с гражданами России). Фактически факторный анализ подтвердил, что идентичность с гражданами России связана сейчас не столько с идентичностями, характеризующими общность взглядов, сколько с предрасположенностью (психологической готовностью) человека ощущать выраженную близость с разного рода символическими общностями.

Однако это не означает, что для ощущающих свою близость с другими гражданами России не характерна определенная мировоззренческая специфика. Напротив, наличие этой идентичности коррелирует со многими особенностями взглядов, более того – она входит в ядро определенного типа мировоззрения (табл.), для которого характерна в том числе и большая «вписанность» в социум за счет большего числа символических идентичностей.

Как видно из таблицы, группы с четкой выраженностью гражданской идентичности и с полным отсутствием ощущения эмоциональной близости с россиянами – во многом полярные по взглядам группы. В то же время члены группы, характеризующейся слабо выраженной идентичностью с гражданами России, занимая схожую позицию с четко

<sup>6</sup> Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс. Объясненная дисперсия 56,03%.

Таблица

**Некоторые особенности взглядов россиян, идентифицирующих или не идентифицирующих себя с гражданами России, 2024 г., в %**

Показатели	Идентифицируют себя		Не ощущают близости
	в значительной степени	в некоторой степени	
Отношение к некоторым символическим общностям			
Ощущают выраженную близость с людьми своей национальности	83,1	13,9	6,7
Ощущают выраженную близость с жителями того же города или села	66,9	22,6	13,8
Ощущают выраженную близость с людьми того же поколения	64,9	29,9	19,8
Ощущают выраженную близость с людьми той же профессии, рода занятий	61,6	24,3	14,6
Отношение к СВО			
Сторонники СВО на Украине	67,3	55,2	41,0
Промежуточная группа	27,2	36,6	45,1
Противники СВО на Украине	5,5	8,2	13,8
Отношение к уклонению от службы в армии			
Считают, что оно никогда не может быть оправдано	57,5	55,4	39,6
Считают, что иногда оно допустимо и к нему надо относиться снисходительно	42,5	44,6	60,4
Отношение к уклонению от уплаты налогов			
Считают, что оно никогда не может быть оправдано	71,0	68,0	50,0
Считают, что иногда оно допустимо или что к нему надо относиться снисходительно	28,1	31,8	50,0
Роль личного благополучия в системе ценностей			
Ради высоких целей можно пожертвовать личным благополучием	53,4	38,9	28,4
В любом случае не готовы жертвовать личным благополучием	46,1	60,3	71,6
Отношение к эвтаназии			
Считают, что она никогда не может быть оправдана	59,3	49,8	31,0
Считают, что иногда она допустима или что к ней надо относиться снисходительно	39,7	50,0	67,9

*Примечание.* Фоном выделены максимальные показатели по строке.

отождествляющими себя с россиянами в вопросах, относящихся к сфере взаимоотношений государства, общества и человека, в вопросах морального характера примыкают скорее к группе, не чувствующей с россиянами никакой близости.

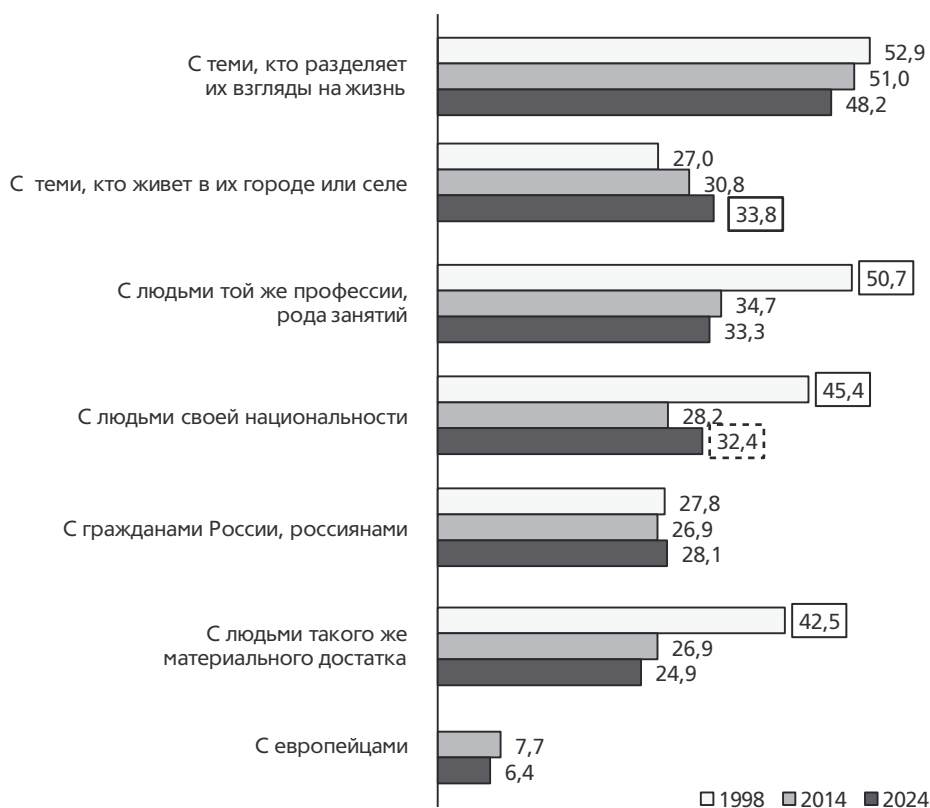
Таким образом, идентичность с гражданами России для представителей массовых слоев населения страны – не безусловная данность, которую они готовы принять просто по факту рождения в России. Принятие этой идентичности зависит в первую очередь от того, насколько прочно и плотно они вписывают себя в российский социум, и связано с определенным типом мировоззрения. При этом выраженная идентичность с гражданами России зависит и от оценок



того, сколь успешно, по мнению граждан, государство выполняет закрепленные за ним в национальной культуре функции, удовлетворен ли человек личной ситуацией и курсом развития страны, на что нами обращалось внимание ранее [Российское..., 2024: 243–244].

**Динамика идентичностей россиян в последние десятилетия.** Если оценить устойчивость рассматриваемых идентичностей, то прежде всего нужно отметить стабильный характер первичных идентичностей (с семьей и друзьями). Их не одно десятилетие выбирают как безусловно значимые для себя около трех четвертей опрошиваемых. При этом семейное положение тех, кто идентифицирует себя с семьей «в некоторой степени», мало отличается от тех, кто характеризуется четкой выраженностью этой идентичности. Наиболее значимое различие между ними заключается в доле состоящих в официально зарегистрированном браке – у первых она составляет 50,3%, а у вторых – 62,6%. Почти такая же разница характеризовала их в 1998 г.

Более интересна динамика символических идентичностей. При сравнении данных 2024 г. с данными Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, полученными в октябре 2014 г., т.е. в условиях резкой активизации санкционной и информационной войны против России после «Крымской весны», и данными июньского опроса 1998 г., когда Запад воспринимался вполне позитивно, видно, что общая конфигурация ключевых символических идентичностей с 2014 г. практически не претерпела изменений, хотя в сравнении с 1998 г. эти изменения очень заметны (рис. 2).



**Рис. 2.** Динамика распространенности некоторых четко выраженных символических идентичностей среди россиян, 1998–2024 г., в %

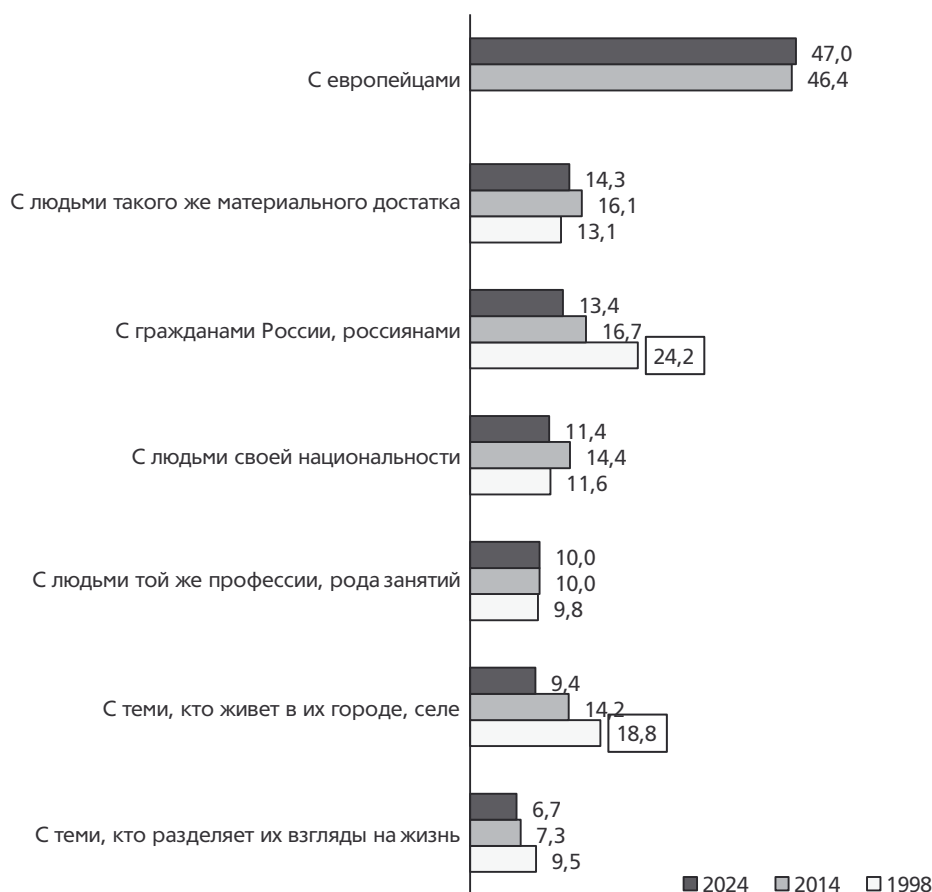
*Примечание.* В опросе 1998 г. не было позиции «с европейцами».

Из приведенных на рис. 2 данных следует несколько важных выводов. Первый из них: система самоидентификаций россиян с символическими общностями в целом довольно устойчива, а после обострения отношений с Западом в 2014 г. вообще остается практически неизменной. На первом месте по значимости в ней была и остается общность взглядов на жизнь. Второй: если говорить о периоде с 1998 г., такая устойчивость характерна далеко не для всех идентичностей. Основные изменения в «сетке» идентичностей россиян за это время включают: 1) сокращение числа четко выраженных символических идентичностей, отражающее снижение потребности во «вписывании» себя в разного рода социальные группы в условиях относительной стабилизации институциональной среды, 2) очень резкое (на 17,9% п.п., т.е. более чем в 1,5 раза) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми с тем же материальным положением, отражающее рост однородности массовых слоев населения с точки зрения их уровня жизни в последние годы<sup>7</sup>, 3) значительное (на 16,7 п.п., т.е. в 1,5 раза) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми той же профессии или рода занятий, отражающее изменение трудовых мотиваций россиян в условиях рыночной экономики, 4) заметное (на 13,0 п.п., т.е. почти в 1,5 раза) сокращение роли этнонациональной идентичности, отражающее некоторое смягчение противоречий на этой почве среди граждан России в условиях усиления внешних угроз, хотя в 2024 г. она все же была более популярной, чем после «Крымской весны». Одновременно подросла доля ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села. Что касается остальных символических



Рис. 3. Негативные идентичности россиян, 2024 г., в %

<sup>7</sup> Подробнее о формировании и развитии тенденции «выравнивания по среднему» прежде всего за счет сокращения численности бедных см.: [Общество..., 2022].



**Рис. 4.** Динамика распространенности некоторых негативных идентичностей среди россиян, 1998–2024 гг., в %

идентичностей, т.е. самоидентификации с людьми тех же взглядов на жизнь, гражданами России и всеми людьми на планете, их популярность среди россиян даже на таком временном отрезке не изменилась. Таким образом, если говорить о четко выраженных символических идентичностях, то среди них есть как очень устойчивые на протяжении по крайней мере четверти века, так и те, распространенность которых за это время заметно изменилась, хотя изменения пришлось в основном на 2000-е гг.

Что касается негативных идентичностей, то необходимость их отдельного рассмотрения объясняется тем, что в условиях разного рода кризисных ситуаций и внешних угроз людям подчас легче обозначить «чужих», т.е. группы, к которым они точно себя не относят, чем идентифицировать «своих».

Как выглядят негативные идентичности россиян и каковы основные тренды их изменений?

Как видно из рис. 3, есть две группы, которые большинству россиян сейчас абсолютно чужды – противники СВО на Украине и те, кто находятся у власти. Если первое говорит о массовости поддержки СВО, то второе – об отчуждении значительной части населения от власти как таковой. Около половины россиян не ощущает также общности с людьми за пределами России.



Рис. 5. Динамика распространенности некоторых негативных идентичностей среди россиян, 2021/2024 гг., в %

За период нарастания напряженности в отношениях между Россией и странами Запада с 2014 по 2024 г. негативные идентичности россиян, как и их четко выраженные позитивные идентичности, изменились сравнительно мало, хотя некоторые идентичности стали отрицаться россиянами к 2024 г. реже: это гражданская идентичность, идентичность с людьми той же национальности и идентичность с жителями того же населенного пункта, т.е. в сознании россиян эти символические идентичности постепенно актуализируются.

Если сравнить динамику распространенности четко выраженных позитивных и негативных идентичностей, то видно, что они коррелируют друг с другом – рост популярности самоидентификации с жителями того же населенного пункта сопровождался сокращением распространенности негативных идентичностей с ними. Как видно при сравнении рис. 2 и 4, связаны векторы этих изменений и у других упомянутых выше идентичностей. При этом после начала СВО стремление россиян вписать себя в различные социальные группы выросло, а популярность негативных идентичностей сократилась (рис. 5).

Приведенные на рис. 5 данные говорят о том, что внешняя нестабильность вызывает у современных россиян потребность в большей «вписанности» в социум и ведет к росту числа символических идентичностей, хотя в основном не четко выраженных. Возможно, отличие от ситуации 1990-х гг. связано с тем, что ресурс психологической поддержки за счет первичных идентичностей уже исчерпан. В этом контексте важно, что, судя по динамике идентичностей, 2024 г. оказался для россиян более спокойным, чем 2023 г., т.е. адаптация их к «новой реальности» идет успешно.

**Выводы.** Идентичности с какими-либо социальными группами распространены сейчас в массовых слоях российского населения достаточно широко, хотя почти каждый десятый россиянин ощущает себя исключенным из структуры социума и не чувствует близости даже с семьей и друзьями. Широко распространены и идентичности с абстрактными или вторичными социальными группами. Это важно, так как символические идентичности могут не только способствовать консолидации общества, но и выступать основой его сегментации по разного рода линиям деления на «Мы» и «Они» и даже формирования острых межгрупповых противоречий.

С этой точки зрения состояние общественного сознания сейчас далеко от идеала. Если говорить о таких символических общностях как сторонники и противники СВО на Украине, то самоидентификация с ними встречается сейчас у россиян достаточно часто. Относительно широко распространены в массовых слоях населения и идентичности,

создающие риски для единства общества (например, с людьми противоположных политических взглядов). С другой стороны, способствующая консолидации общества идентичность с гражданами России четко выражена менее чем у 30% представителей массовых слоев, а каждый седьмой-восьмой россиянин ее вообще не ощущает.

Самоидентификация с гражданами России и многие другие символические идентичности обусловлены прежде всего спецификой системы идентичностей человека в целом, в частности его предрасположенностью к «вписыванию» себя в символические общности, а также с динамикой потребности в этом с учетом внешних условий. Тем не менее для ощущающих свою близость с другими гражданами России характерна и определенная мировоззренческая специфика, поскольку такая предрасположенность входит в ядро определенного типа мировоззрения, включающего приверженность приоритетности интересов государства, а не прав человека, поддержку СВО, установку на необходимость жертвовать личным благополучием ради высоких целей и т.д., вплоть до определенного отношения к ряду норм закона и морали. При этом группа, не ощущающая близости с россиянами, и группа с четко выраженным ее наличием – это полярные по многим компонентам их мировоззрения группы. В то же время члены промежуточной группы, характеризующейся слабо выраженной идентичностью с гражданами России, занимают относительно чаще позицию, схожую с четко отождествляющими себя с россиянами в вопросах взаимоотношений государства, общества и человека, хотя в вопросах морального характера примыкают скорее к группе, не чувствующей своей близости с ними.

В целом для системы идентичностей населения страны характерна высокая устойчивость, хотя в ней прослеживаются периодические и отдельные ситуативные колебания, связанные с изменением внешней обстановки. Основные тренды изменения этой системы за последнюю четверть века включают: 1) общее сокращение распространенности символических идентичностей, отражающее снижение потребности во «вписывании» себя в разного рода социальные группы в условиях относительной стабилизации за это время институциональной среды; 2) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми с тем же материальным положением (отражающее постепенный рост однородности массовых слоев населения с точки зрения их уровня жизни), того же рода занятий (отражающее изменение трудовых мотиваций россиян в условиях рыночной экономики), той же национальности (отражающее смягчение противоречий на этой почве среди граждан России в условиях растущей конфронтации с Западом); 3) рост доли ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села в условиях усиления вариативности развития разных населенных пунктов.

С методологической точки зрения важно, что идентификационный блок мировоззрения россиян по-прежнему относительно автономен. При этом он включает в себя несколько типов идентичностей. Первый – идентичности на основе объективных характеристик (самоидентификации с людьми своей национальности, жителями того же города или поселка, того же поколения, гражданами России и т.д.). Второй – это идентичности, связанные с особенностями восприятия себя индивидом через призму достижения им разных форм жизненного успеха (с теми, кто находится у власти, добился успеха и т.д.). Третий включает идентичности, отражающие мировоззренческую близость (по политическим взглядам, взглядам на жизнь и т.д.). Четвертый – идентичности с первичными группами (семьей и друзьями). Наконец, пятый включает идентичности с группами, различающимися отношением к СВО.

Методологически значимо и то, что, как показал наш анализ динамики идентичностей, в современной России, как и в 1990-е гг., на распространенность негативных идентичностей в сильной степени влияет эмоциональное состояние человека, в то время как на четко выраженные положительные идентичности влияют в большей степени мировоззренческие установки, которые стали за прошедшие десятилетия более последовательными.

Таким образом, система групповых идентичностей россиян – это самостоятельный блок их мировоззрения, играющий важную роль в консолидации российского общества.

Его развитие имеет определенные сиюминутные флуктуации и общий вектор развития, который важно учитывать не только при анализе общей эволюции общественного сознания россиян, но и при оценке динамики идентичностей отдельных их групп или разработке мер повышения эффективности идейно-воспитательной работы.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: ИС РАН, 2006.
- Данилова Е.Н., Климова С.Г. и др. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «чужих» групп и сообществ (1999–2002 гг.) // Мастер-класс проф. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Данилова Е.Н., Оберемко О.А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия городского среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3(83). С. 28–38.
- Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
- Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 27–30.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е годы) // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 59–72.
- Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116. DOI: 10.31857/S013216250000766-5.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир, 2022. DOI: 10.55604/9785777708731.
- Российское общество и вызовы времени. Кн.7 седьмая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024.
- Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012.
- Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Сост. Е.Н. Данилова, О. Оберемко, В.А. Ядов. СПб: РХГА, 2006.
- Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН, 1993.
- Социальная идентификация личности – 2. Кн. 1. М.: ИС РАН, 1994а.
- Социальная идентификация личности – 2. Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994б.
- Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18.
- Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4, № 3–4. С. 158–181.
- Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No. 1. С. 65–78.

Статья поступила: 02.07.24. Финальная версия: 15.10.24. Принята к публикации: 28.10.24.



# IDENTITY OF RUSSIANS AS A CONSOLIDATION FACTOR OF RUSSIAN SOCIETY

TIKHONOVA N.E.\*\*\*, DUDIN I.V.\*

\*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; \*\*HSE University, Russia

Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor-researcher, HSE University (netichon@rambler.ru); Il'ya V. DUDIN, Junior Researcher, Postgraduate Student, HSE University (dudiniv99@mail.ru). Moscow, Russia.

**Abstract.** Group identities serve as a basis for the consolidation of society or its fragmentation. The grounds for the division between “us” and “them” include generational, national, ideological and other identities, which, according to the data of the IS FCTAS RAS, are quite common. At the same time, identity with the citizens of Russia, which contributes to the consolidation of Russian society, is now clearly expressed by less than 30% of representatives of mass strata. Members of this group are characterized by a commitment to putting the interests of the state first, support for the special military operation, an attitude to the need to sacrifice personal well-being for the sake of higher goals, etc. The identification block of Russians’ attitudes includes several types of identities. These are: self-identifications based on objective characteristics (age, place of residence, etc.); identities related to the specifics of an individual’s self-perception through the prism of achieving success in life; identities reflecting worldview affinity; identities with certain primary groups and identities with groups that differ in their attitude to the special military operation. All of them have different prevalence and specific localization. The system of Russians’ identities over the last quarter of a century has been characterized by a high degree of stability, although it has undergone changes, including a general decrease in the prevalence of symbolic identities due to decreasing popularity of identities with people of the same economic status, profession and nationality against the background of an increase in the share of those feeling a clearly expressed affinity with the inhabitants of their town or village. The dynamics of Russians’ identity system also show that negative identities are more strongly influenced by a person’s emotional state, while clearly expressed positive identities are more strongly influenced by his/her attitudes.

**Keywords:** group identities, symbolic identities, “us” and “them”, public consciousness, attitudes of Russians, consolidation of society, intergroup contradictions, segmentation by attitudes.

## REFERENCES

- Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Transl. and ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Danilova E.N. (2000) Changes in social identifications of Russians. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 3–4: 76–86. (In Russ.)
- Danilova E.N., Klimova S.G. et al. (2004) Processes of identification of Russian citizens in the social space of “their own” and “not their own” groups and communities (1999–2002). In: *Master Class of Professor V.A. Yadov*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Danilova E.N., Oberemko O.A. (2007) Specificity of self-identification and social self-feeling of the urban middle class of Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 28–38. (In Russ.)
- Danilova E.N., Yadov V.A. (2004) Unstable social identity as a norm of modern communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 27–30. (In Russ.)
- Danilova E.N., Yadov V.A., Davjev P., eds. (2012) *The Russians and Chinese in an era of change: a Comparative study in St. Petersburg and Shanghai at the beginning of XXI century*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Klimova S.G. (1995) Changes in the value bases of identification (80–90s). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 59–72. (In Russ.)
- Magun V.S. ed. (2006) *Civil, ethnic and religious identities in modern Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Putnam R.D. (1995) Bowling Alone: America’s Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1: 65–78.
- Russian society and the challenges of time*. Book 7. (2024) Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)

- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. (2022) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir. DOI: 10.55604/9785777708731. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 29. No 1: 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. eds. (2014) *Russian students: identity, life strategies and civic potential*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1994) Social stratification in a crisis society. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 1: 35–52. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 3–4: 158–181. (In Russ.)
- Magranov A.S., Detochenko L.S. (2018) Civil identity of modern students: features and factors of transformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 108–116. (In Russ.)

Received: 02.07.24. Final version: 15.10.24. Accepted: 28.10.24.